

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Л.А. АНДРЕЕВА,
В.В. РЯХОВСКИЙ

Православие, протестантизм и стратегия устойчивого развития России в начале XXI в.

В современной России, переживающей социокультурный кризис, связанный со сменой идеологических парадигм, поиском национальной и религиозной идентификации, многими нерешенными социально-экономическими вопросами, остро стоит проблема выработки научно обоснованной стратегии устойчивого развития. Особую актуальность при выработке такой стратегии имеет анализ религиозного состава населения, роли религиозных институтов в обществе, религиозной самоидентификации и уровня религиозности как интегрирующих либо дезинтегрирующих факторов развития.

Религиозный состав населения России начала XXI века

В течение последнего десятилетия XX в. структура религиозного пространства России существенно изменилась. К началу 1990-х гг. она была представлена всего 15–20 религиозными направлениями [Трофимчук, 2002, с. 7], поскольку исторически носителями определенных религий были коренные этносы или группы этносов. Ареалы их традиционного, исторически сложившегося расселения являлись одновременно и ареалами распространения исповедуемых ими религий. Для современного общества характерна тенденция к росту религиозного разнообразия, что связано с изменением национальной структуры населения регионов, внешней и внутренней открытостью страны. Сейчас практически во всех регионах России проживают люди, как минимум, 50–60 национальностей, последователи 20–30 религиозных направлений (среднее количество зарегистрированных религиозных направлений в отдельно взятом регионе России) [Лопаткин, 2003]. Полирелигиозность распространяется на те регионы, которые были прежде монорелигиозными, что неизбежно влечет столкновение интересов различных религиозных организаций.

В этой связи анализ интегрирующих или дезинтегрирующих тенденций в современном российском обществе с учетом роли христианских религиозных институтов выдвигает в качестве ведущей аналитической категории – межрелигиозную конфликтогенность (актуальную и потенциальную). При этом, на наш взгляд, общерос-

Андреева Лариса Анатольевна – доктор философских наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

Ряховский Владимир Васильевич – адвокат, директор Славянского правового центра.

сийские конфликтогенные тенденции пока не имеют религиозной базы, поскольку в их основе лежат острые социальные проблемы, в то время как ни одна из конфессий пока не смогла выразить идею защиты социальной справедливости на языке религиозной доктрины и облечь ее в доступную для масс форму. Следует учитывать также фиксируемый посредством социологических опросов фактор внерелигиозной ориентации устойчивой группы населения постсоветской России (до 50% населения) [Словарь... 2001, с. 4].

Роль и влияние христианского фактора в современной России в первую очередь связаны с религиозной самоидентификацией части населения и уровнем религиозности (то есть с долей верующих в общем составе населения страны). Однако трудности для их изучения создает то, что религиозный состав населения в XX в. специально изучался только однажды – в ходе переписи населения 1937 г., когда свыше половины населения СССР заявили о своей религиозности [Всесоюзная... 1991]. Во Всероссийской переписи населения 2002 г., несмотря на предложения ученых Российской академии наук¹, вопросы о конфессиональной принадлежности отсутствовали. В результате сегодня официальные службы (Министерство юстиции, Госкомстат) не располагают современными, полными и достоверными данными о количестве верующих как по стране в целом, так и по отдельным регионам и религиозным направлениям. При отсутствии статистических данных по индивидуальной религиозной принадлежности исходными материалами для определения численности той или иной конфессии может служить количество зарегистрированных в российских органах юстиции религиозных организаций соответствующего направления и данные социологических опросов.

На 1 января 2002 г. в органах юстиции Российской Федерации зарегистрирована 20441 религиозная организация 67-ми религиозных направлений, в том числе: 10965 организаций Русской православной церкви (РПЦ), 3186 исламских, около 3 тыс. протестантских организаций [Медведко, Элбакян, 2002, с. 109–110]. Сведения различных социологических опросов весьма разнородны, однако по этим данным до двух третей респондентов причисляют себя к православным [Словарь... 2001, с. 5]. При этом надо учитывать, что, называя себя православными, многие респонденты имеют в виду главным образом происхождение из соответствующей этнокультурной среды и идентифицируют себя не столько с православной церковью, сколько с православной культурной традицией. Это соображение не позволяет автоматически причислять их к верующим. Высокий уровень самоидентификации с определенной конфессией не всегда совпадает с высоким уровнем и активным характером религиозности [Лопаткин, 2003]. Социологические опросы постоянно фиксируют такое явление, как несоответствие количества респондентов, заявляющих о своей религиозной принадлежности, и количества верующих в Бога (например, число респондентов, заявивших о своей конфессиональной принадлежности, составило 60,5% в 2000 г.; 57,8% в 2001 г., однако число респондентов, заявивших о своей вере в Бога, составило всего 43,4% в 2000 г.; 37,5% в 2001 г.) [Мечдлов, 2002, с. 24].

Роль Русской православной церкви на религиозном пространстве России

Доминирующее положение в России занимает Русская православная церковь. Это объясняется тем, что, во-первых, христианство в форме православия распространено в Центральной (Европейской) части России с X в., а основной этнос, традиционно

¹ В 1999 г. директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков от имени коллектива обратился к руководству Госкомстата с предложением разработать для предстоящей переписи систему учета конфессионального состава России. Однако Госкомстат, ссылаясь на то, что этот вопрос может оказаться провокационным и политически взрывоопасным на территориях с нестабильной общественно-политической обстановкой, отказался включить вопросы о конфессиональной ориентации в анкеты переписи.

исповедующий православие, – русские – составляет большинство населения страны. Во-вторых, с крушением СССР потерпели фиаско коммунистическое мировоззрение, ценности и самоидентификация ("советский человек"). Это заставило население искать новую модель самоидентификации – на базе религиозных (прежде всего православных) ценностей, что стало основой мощного притока неофитов (новообращенных) в РПЦ. В-третьих, высокий уровень политизации православия, поскольку государственная власть пытается найти в нем базу для мировоззренческой и идеологической легитимизации новых российских политических и экономических реалий, то есть *общероссийская идентичность* рассматривается через призму конфессиональной *православной идентичности*. Этим объясняется государственная поддержка РПЦ и создание для нее доминирующего положения, *что, собственно, является одной из причин межрелигиозной, и в частности, межхристианской конфликтности*.

Яркий тому пример – взаимоотношения РПЦ и Ватикана. В 2002 г. РПЦ выступила против учреждения в России четырех католических епархий. Министерство иностранных дел РФ обнародовало заявление по поводу учреждения епархий католической церкви в России, тем самым нарушив принцип нейтральности и невмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений. Однако конфликт РПЦ с Ватиканом не является потенциальным фактором внутренней межхристианской конфликтности, поскольку влияние католических организаций во всероссийском масштабе весьма незначительно, что соответствует числу зарегистрированных в России организаций (267 на начало 2001 г.). Этот конфликт имеет скорее внешнеполитический, чем межхристианский и межконфессиональный характер.

На наш взгляд, одной из серьезных причин межхристианской конфликтности может стать современная ситуация, характеризующаяся *фактической исчерпанностью резерва для быстрого дальнейшего роста числа новых членов православной церкви, что может привести к столкновению на миссионерском поприще с другими христианскими конфессиями и деноминациями*. "С середины 90-х годов практически прекратился мощный приток новых членов в РПЦ. Заявления ряда авторов о религиозном ренессансе в России на данный момент не соответствуют реалиям. Анализ качественных характеристик современной религиозности не подтверждает подобного суждения. Социологические исследования показывают, что своеобразный религиозный бум проходит, ситуация становится стабильной, приостановился рост числа верующих, религиозные организации именно в этом плане исчерпали потенциал своего усиления", – таково мнение директора исследовательского центра "Религия в современном обществе" Института комплексных социальных исследований РАН профессора М. Мchedлова [Мchedлов, 2002, с. 23–24].

Тенденция к прекращению притока новых членов в РПЦ, наметившаяся со второй половины 1990-х г., объясняется рядом причин. Главная из них видится в неспособности РПЦ повлиять на решение острых социальных вопросов. Заметим, что процесс деchristианизации в России в начале XX в. (уже в 1916 г. Синод в определении № 676 признал, что в Российской империи началось массовое отпадение от веры) был неотделим от социального протеста населения, что стало следствием многовекового союза "трона и алтаря" [Андреева, 2003, с. 90]. Вопросы социальной справедливости, затронутые в "Социальной доктрине РПЦ", не трансформировались в открытую публичную критику власти по социальным проблемам. Усиленное лоббирование государством интересов одной конфессии, стремление к клерикализации различных сторон общественной жизни, вызванное недооценкой роли внецерковно ориентированной части населения и полирелигиозного характера страны, спровоцировало негативный отклик в обществе. Клерикальную модель в православном варианте поддерживают около 5% православных при исключительно отрицательном отношении представителей других конфессий и неверующих [Мchedлов, 2002, с. 26].

Развернувшаяся недавно в обществе и СМИ дискуссия о преподавании основ православной культуры в общеобразовательной школе расколола общество и превратила дискуссию о светском образовании в дискуссию *о религиозном образовании*.

Такая реакция на циркулярное письмо министра образования РФ В. Филиппова региональным органам управления образованием субъектов РФ от 22 октября 2002 г. о необходимости ввести в светских школах предмет "Православная культура" была прогнозируема. Еще в 1998 г. Центр социологических исследований Министерства общего и профессионального образования РФ провел опрос "Потребность в религиозном образовании в условиях свободы вероисповедания". Согласно его результатам, введение религиозного образования не поддержали 58,5% учителей российских школ. Доля учителей, не одобряющих введение религиозного образования в рамках школ мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга), составила 72,3%. Особую оппозиционность высказали представители технической интеллигенции (против 52,3%) и малого бизнеса (против 39,7%) [Цеханская, 2000].

Попытки насильственной клерикализации различных сторон общественной жизни идут вразрез с заявленным в Конституции РФ светским характером государства и могут иметь негативные последствия для стремления России интегрироваться в европейское (секулярное) политическое пространство. Весьма примечательно, что в преамбуле находящегося в процессе обсуждения проекта европейской Конституции отсутствуют положения о роли религиозных ценностей. Следует заметить, что наряду с попытками насильственной клерикализации общества совершенно игнорируется факт *социально-экономической модернизации*. А ведь главным следствием ускоренной экономической модернизации и перехода к обществу постиндустриального типа (необходимость которых декларирует само российское руководство) является рационализация общественного сознания. Попытки насаждения государством тенденции клерикализации могут быть успешными только в том случае, если сам процесс социально-экономической модернизации будет остановлен и обращен вспять, то есть будет восстановлено общество доиндустриального (традиционного, аграрного) типа. Заметим, что в 2001 г. на вопрос "Какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их для общих целей?" респонденты последнее место ответили "идее очищения общества через православную веру" (7,9%) [Мчедлов, 2002, с. 26]. К другим причинам, повлиявшим на прекращение притока верующих (особенно молодежи) в РПЦ, можно отнести устаревший старославянский язык богослужений, введенный в употребление еще одиннадцать веков назад, славянофильскую (антизападную) ориентацию значительной части "активных верующих" и священнослужителей (печатный орган этой части верующих и священнослужителей – православный журнал "Русский дом", издающийся по благословию патриарха Алексия II, и одноименная телепрограмма "3 канала"), упор на следование прежде всего обрядовой стороне православия, критическое отношение к тенденциям модернизации РПЦ.

Очевидные трудности в миссионерской и пастырской деятельности РПЦ объясняются и тем, что урбанизированное, индустриальное российское общество как объект пастырской и миссионерской работы требует новых миссионерских подходов. Не имея большого опыта самостоятельного функционирования в условиях вероисповедной свободы, РПЦ стремится войти в тесные отношения с государственными властями современной России и в большей мере полагается не на самостоятельную миссионерскую деятельность, а на *административную помощь государства*. Отсюда стремление многих иерархов придать православной церкви привилегированный статус по сравнению с другими конфессиями, что, по существу, размывает основную посылку правового государства – единство прав и обязанностей всех граждан независимо от их вероисповедания.

Все вышесказанное служит основанием для постоянно высказываемых православной общественностью опасений по поводу конкуренции со стороны других действующих в России религиозных организаций. Например, советник-юрист Московской патриархии В. Калинин в записке "Некоторые вопросы применения и совершенствования законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях", распространенной в Государственной думе РФ в июне 2003 г., пишет следующее (надо понимать – от лица Московской патриархии): «Российскую общественность серье-

езно беспокоит бесконтрольная деятельность и активное "размножение" религиозных групп, вызывающих межрелигиозные конфликты, захватывающих и покупающих имущество, земли. Образование и деятельность таких групп должны быть поставлены под жесткий контроль государства, при этом следует иметь в виду их зарубежное финансирование, фактическую часто противоправную активность с тем, чтобы принимать установленные меры воздействия вплоть до запрещения и ликвидации в административном и судебном порядке. Наверное, органы власти субъектов РФ, исходя из своего опыта, предложат изменения и дополнения действующего законодательства, что даст российской власти возможность пошире взглянуть на обсуждаемую проблему».

Протестантские организации в современной России

Конфликтогенным фактором, начинающим оказывать влияние на межрелигиозную ситуацию в стране, является конкуренция с РПЦ других религиозных организаций, прежде всего протестантских. Среди христианских религиозных организаций они в совокупности занимают вторую позицию. Современная ситуация характеризуется бурным ростом численности протестантских общин (в 1992 г. было зарегистрировано всего 510 объединений различных направлений протестантизма [Лопаткин, 2003]), что в результате привело к такому феномену, как наметившаяся *религиозная переориентация регионов* ранее безоговорочного доминирования РПЦ. При такой динамике у некоторых представителей православной общественности вместе с "комплексом тревоги" формируется иллюзорное представление о своих конкурентах. Например, Ю. Ушакова из Воронежской духовной семинарии в статье "Религиозная ситуация; начало XX – канун XXI века" пишет, что "в Россию устремились представители тех религиозных течений, которые не пользуются доверием у себя на родине, – ...мормоны, харизматики, адвентисты... Новые религиозные образования обречены (так же, как в свое время баптизм) на внеисторическое, внекультурное существование. Судя по нашим наблюдениям, они становятся замкнутыми референтными группами, а члены этих организаций начинают чувствовать себя внутренними эмигрантами" [Ушакова].

Ушакова повторяет устойчивое заблуждение, бытующее в массовом российском сознании, согласно которому протестантские организации в России имеют исключительно западные корни и являются продуктом деятельности "западных миссионеров". Конкретные данные свидетельствуют о другом. Согласно "Отчету Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1988 год" количество религиозных организаций ведущей российской протестантской деноминации – пятидесятников – в условиях советского режима, исключавшего "массовое миссионерство", составляло в СССР 845 (как зарегистрированных, так и не прошедших государственную регистрацию). За прошедшие 14 лет их число выросло менее чем в два раза, что не позволяет говорить о качественно иной ситуации в этой сфере (на 1 января 2002 г. 1380 зарегистрированных общин). Численность же организаций, например, евангельских христиан-баптистов при советской власти была еще больше и доходила в 1988 году до 2566.

Известный российский социолог-религиовед Р. Лопаткин отмечает, что сейчас "позитивное утверждение православия, его идеалов и достоинств на практике часто подменяется борьбой с другими конфессиями, ожесточенной полемикой с ними, желанием во что бы то ни стало дискредитировать своих оппонентов-конкурентов. То есть позитивная идентификация православного христианина (чем его вера лучше других) подменяется идентификацией негативной (чем другие вероисповедания хуже). Из психологии известно, что негативная идентификация всегда ведет к росту напряженности и конфликтам" [Лопаткин, 2003]. Подтверждением таким прогнозам может служить ситуация с поджогом 22 мая 2003 г. в Балашихе Московской области дома молитвы евангельских христиан-баптистов. По мнению пастора В. Харламова,

«фитилем для поджога зданий могла послужить телепрограмма "Русский дом", прошедшая 18 мая 2003 г... и закончившаяся призывом ведущего А. Крутова к изгнанию евангельских христиан-баптистов за пределы города, что расценивается пастором как призыв к межрелигиозной вражде» [Поджог... 2003]. Таким образом, в этом эпизоде четко прослеживается тенденция к провоцированию межхристианской конфликтности. Статистика по ряду российских регионов дает повод прогнозировать возможное нарастание количества такого рода конфликтов, что является дезинтегрирующим фактором, не способствующим устойчивому развитию российского общества.

Например, согласно статистике по Дальневосточному федеральному округу на 1 января 2002 г. количество зарегистрированных протестантских организаций (409 или 46%) превысило количество других зарегистрированных религиозных организаций, включая православные (317 или 35%), католические (21 или 2%), мусульманские (11 или 1%), а также иудейские, буддистские и др. [Второй... 2003, с. 3]. По занимаемой территории Дальневосточный федеральный округ – Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский и Чукотский автономные округа – самый большой в России по территории (36,4% от общей площади страны) и один из самых урбанизированных – три четверти населения (преимущественно русские) проживают в городах. Для него характерна общероссийская тенденция превышения показателя конфессиональной самоидентификации над показателем общего уровня религиозности (56,2% против 50,2% согласно данным опроса, проведенного в одном из крупнейших городов округа – Благовещенске в 2000–2001 гг.) [Забияко]. Учитывая этот фактор, следует оценивать и другие показатели данного социологического исследования, согласно которым с православием себя связали 44,9% респондентов, с протестантизмом – 4,3% [Забияко]. Называя себя православными, многие респонденты имели в виду, как уже отмечалось, что они происходят из данной этнокультурной среды и относят себя к православной культурной традиции. Сведения, сообщенные протестантами, предполагали совершенно другой смысл. Эти респонденты – "активные верующие", так как протестантская культурная среда и этнокультурная традиция на Дальнем Востоке отсутствуют, то есть 4,3% процента – это уровень (показатель степени) собственно протестантской религиозности. Заметим, что "активных верующих" (сознательно вовлеченных в церковную дисциплину) насчитывается по усредненным данным общероссийских социологических опросов около 3–4% от общего числа респондентов, называющих себя православными [Andreeva, 2003]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что не идентификация себя с той или иной культурной традицией, а именно количество зарегистрированных протестантских и православных организаций в Дальневосточном федеральном округе отражает соотношение уровня протестантской и православной религиозности.

Отметим, что протестантизм появляется на Дальнем Востоке России только в конце XIX в. К 1924 г. в Приморье насчитывалось всего около 35 протестантских общин [Второй... 2003, с. 4], и это число в последующие годы существенно уменьшилось. Бурный рост протестантских общин приходится на последнее десятилетие XX в. – время религиозной свободы в России и является следствием активной миссионерской и пастырской деятельности. Потенциал ее развития обеспечивает молодежь, привлекаемая через доступную проповедь. По данными социологических опросов в свободное время склонны посещать общину 57,1% молодых протестантов и, соответственно, 4% православных [Элбакян, Медведко, 2000, с. 26], что отражает степень религиозной активности (интенсивности культовых действий) как православной, так и протестантской молодежи. Для работы с неверующей молодежью применяются новые формы, среди которых – проведение молодежных христианских дискотек, рок-концертов и т.п. [Высоцкая, 2003, с. 15–18].

В сфере социального служения евангельские христиане более активны, чем другие религиозные направления. В "Основах социальной концепции Российского объ-

единенного союза христиан веры евангельской" намечены следующие направления социальной деятельности: участие в воспитании детей в детских домах и интернатах; опека над немощными людьми; нравственная поддержка заключенных; оказание психологической, духовной и материальной помощи людям, входящим в группы риска (наркоманы, бездомные, беспризорные дети). Приоритет отдан организации различных видов социальных учреждений – детских приютов, реабилитационных центров, бесплатных столовых, воскресных школ, а также учреждений, оказывающих гуманитарную помощь [Основы... 2002, с. 4, 11].

Именно активная социальная и миссионерская работа способствовала, на наш взгляд, быстрому росту протестантских общин на территории Дальневосточного федерального округа. Судя по имеющимся сведениям, особое внимание протестанты уделяют помощи детям (благотворительная акция "Рождественское дитя" охватила около 7 тыс. детей, даже в весьма отдаленных таежных районах Приморья, где проживают малочисленные народы), женщинам (6 лет во Владивостоке регулярно проводятся христианские женские конференции, выставки женского творчества; кроме того, участницы конференций каждый раз собирают денежные пожертвования для какой-то определенной нуждающейся группы населения), практической заботе о больных, немощных, инвалидах, заключенных, людях без определенного места жительства. Евангельская христианская церковь Владивостока проявляет заботу о коренных и малочисленных народах Приморского края.

В пастырской и миссионерской работе протестантских общин в Дальневосточном округе можно выделить ряд моментов, способствующих ее высокой эффективности, таких как охват широких слоев населения, в том числе в отдаленных местностях; самостоятельный поиск объектов миссионерской деятельности; особое внимание к детям и молодежи, поиск понятной и доступной для них формы общения; отказ от точки зрения, согласно которой каждого, кто не согласен с протестантским учением, следует считать аморальным, нерелигиозным человеком, противником.

Правовое оформление государственно-конфессиональных отношений

Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений – один из реальных и эффективных способов предотвращения межконфессиональной конфликтогенности. Эти отношения как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными структурами религиозных объединений представляют собой специфическую сферу внутренней политики государства. В их основе лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных организаций в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции.

С провозглашением курса на демократизацию общественных отношений и создание правового государства в Российской Федерации отношения между государством как основным институтом политической системы и религиозными объединениями коренным образом изменились². В 1990 г. впервые после десятилетий антирелигиозной политики государства в Российской Федерации, входившей тогда в состав СССР, был принят Закон "О свободе вероисповеданий", где новые принципы построения государственно-конфессиональных отношений получили правовую основу.

В 1993 г. всенародным голосованием была принята Конституция РФ, в которой были закреплены светский характер государства, свобода слова и вероисповеданий, отделение религиозных объединений от государства, право на свободный выбор и распространение религиозных и иных убеждений и соответствующую деятельность (ст. 14, 19, 28–30, 59). Впервые в истории России общепризнанные принципы и нормы

² О нормативных актах и судебной практике в области свободы совести см. [Религиозные... 2001].

международного права и международные договоры стали частью правовой системы Российской Федерации (ст. 15, ч. 4). Тем самым открылась возможность прямого действия и применения актов международного права, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений и т.д.

Таким образом, в начале 1990-х г. в России была сформирована законодательная база, полностью соответствующая общепризнанным принципам и нормам международного права в сфере государственно-конфессиональных отношений и обеспечивающая гражданам реальную возможность реализации права на свободу совести. Именно это во многом предопределило всплеск религиозной активности первой половины 1990-х г. – выход из "подполья" и регистрацию ранее находившихся на нелегальном положении религиозных объединений; регистрацию новых религиозных образований и религиозных конфессий, ранее действовавших на территории России; создание религиозных объединений новых направлений, имеющих как российское, так и зарубежное происхождение; активизацию миссионерской деятельности.

Однако продекларировать и даже закрепить в Основном Законе принципы вероисповедной свободы оказалось недостаточным для того, чтобы общепризнанные нормы и принципы стали частью жизни общества. Не государство, а общество, и – в еще большей степени – традиционные российские религиозные конфессии оказались не готовыми к такому развитию событий. Отсутствие культуры толерантности и подсознательная, исторически привитая обществу тяга к единой для всех идеологии входили в противоречие с выбором, сделанным в пользу построения демократического общества и правового государства.

Уже в 1993 г. при активном лоббировании РПЦ Верховным Советом РФ дважды принимались поправки в уже упоминавшийся Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий", устанавливающие особые привилегии РПЦ и ограничивающие миссионерскую деятельность других конфессий. Эти поправки как противоречащие Конституции были отклонены Президентом РФ. После непродолжительного перерыва, связанного с событиями октября 1993 г. и формированием нового высшего законодательного органа государства – Федерального собрания РФ, работа по внесению изменений и дополнений в данный закон была продолжена.

В 1997 г. был принят Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях". В отличие от ранее действовавшего, данный закон закрепил ряд принципиально новых положений. В частности, существенным образом был изменен порядок создания религиозных организаций, сокращен круг лиц, способных стать учредителями и участниками местной религиозной организации. Право на учреждение местной религиозной организации было признано только за российскими гражданами. Иностранцы граждане и лица без гражданства теперь могли являться только ее участниками, причем при условии их постоянного проживания на территории РФ. Законом также введено новое понятие – религиозная группа, под которой понимается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица.

С одной стороны, данное положение закона закрепило легальность деятельности религиозного объединения без государственной регистрации. Однако с другой стороны, законодателем были установлены, на наш взгляд, неоправданные ограничения для преобразования религиозной группы в религиозную организацию – 15-летний срок деятельности на соответствующей территории либо подтверждение о вхождении в структуру уже действующей централизованной религиозной организации. Закон существенно ограничил права религиозных организаций, созданных до его вступления в силу, но не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее 15 лет. Кроме того, закон содержит ряд

внутренних противоречий, что на практике приводит к расширительному толкованию отдельных его положений и, как следствие, к нарушению прав граждан и религиозных объединений. Например, указание в тексте преамбулы закона на "особую роль" православия и перечень "признанных" государством традиционных религий нарушают конституционный принцип равенства религиозных объединений перед законом, что на практике вызвало немало недоразумений и конфликтных ситуаций.

Этот конфликтогенный потенциал законодательства остается непреодоленным. Следует отметить, что закон 1997 г. уже четыре раза был предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ, однако его противоречия Конституции по всем положениям до настоящего времени не устранены. Несмотря на то, что за 7 лет в России уже сложилась судебная практика, причем часто очень противоречивая, по применению положений данного закона судами общей юрисдикции, Верховный суд РФ ни разу не обращался к ее обобщению.

Принятием закона 1997 г. попытки реформирования законодательства в области свободы совести и деятельности религиозных организаций не завершились. В 2000 г. Комиссией во вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ была образована рабочая группа по подготовке предложений с целью совершенствования действующего в данной области законодательства. Работа группы продолжается до настоящего времени. В ее адрес продолжают поступать многочисленные предложения – как от субъектов законодательной инициативы, так и от религиозных организаций. Причем предложения, вносимые на рассмотрение рабочей группы, чаще всего направлены на ужесточение государственного регулирования деятельности "нетрадиционных" религиозных объединений и ограничение их миссионерской деятельности, вплоть до полного запрета.

Эти и другие факты отражают *неудовлетворенность общества* состоянием законодательства, действующего в данной сфере. Можно сделать вывод, что государственно-конфессиональные отношения – никак не периферийная, а общественно значимая сфера внутренней политики и законодательства, от которой во многом зависят и состояние межнациональных отношений, и психологический климат, и общественно-политическая ситуация в стране. Поэтому в условиях политики реформ, обращаясь к правовому регулированию в данной области общественных отношений, государство должно исходить не столько из своего исторического опыта и сложившихся традиций, сколько из *общепризнанных принципов и норм международного права*. Основой государственно-конфессиональных отношений в современной России должно стать неукоснительное соблюдение прав и свобод человека.

Государство, выполняя возложенные на него функции по правовому регулированию в столь деликатной сфере общественных отношений, непременно должно руководствоваться общепризнанным принципом ограничения пределов своего вмешательства в деятельность религиозных объединений. В светском государстве, которым в соответствии с Конституцией является Россия, правосубъектность религиозных объединений охватывает лишь те формы их деятельности, которые получают юридическое выражение, урегулированы законом и связаны с участием в правовых отношениях. При этом собственно религиозная деятельность религиозных объединений (разработка вероучения, построение внутренней иерархической структуры, культовая практика и т.п.) *не является* компонентом государственно-конфессиональных отношений, а значит предметом правового регулирования.

Соответствие отраслевого законодательства Конституции государства общепризнанным принципам и нормам международного права является неотъемлемым требованием оценки его эффективности. Кроме того, не менее важный критерий эффективности законодательного акта – его стабильность. К сожалению, действующее российское законодательство не отвечает в полной мере ни одному из этих требований, что во многом отрицательно влияет на взаимоотношения христианских конфессий, а следовательно, на стабильное развитие российского общества в целом.

Таким образом, совокупность проанализированных выше фактов позволяет сделать вывод о возможности возникновения и обострения межхристианских противоречий и конфликтов в современной России. Для создания предпосылок устойчивого общественного развития государство должно стремиться культивировать в обществе религиозную терпимость и толерантность, равноуважительное отношение ко всем законно действующим религиозным организациям в стране, а также к почти 50-процентной группе российского общества, сделавшей свой внерелигиозный мировоззренческий выбор. В России начала XXI в., где действуют десятки тысяч религиозных организаций и более полусотни конфессий, где общество расколото на две примерно равные группы – верующих и заявляющих о своей внерелигиозной ориентации, общероссийская идентичность *не сможет сформироваться в массовом сознании на основе религиозной идентичности.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991.
- Второй съезд евангельских церквей Приморского края. Владивосток, 2003.
- Высоцкая А. Служение церкви обществу // Второй съезд евангельских церквей Приморского края. Владивосток, 2003.
- Забияко А.П. Русские и китайцы: перспектива рецепции китайских верований // www.gf.nsu.ru/rizhsky/zabiyako/index.Shtml.
- Лопаткин Р. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации // www.religare.ru. 2003.
- Медведко С.В., Элбакян Е.С. О религиозной ситуации в современной России // Религиоведение. 2002. № 2.
- Мчедлов М.П. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России. Некоторые результаты социологического мониторинга // Десять лет по пути свободы совести. М., 2002.
- Основы социальной концепции Российского объединения союза христиан веры евангельской. М., 2002.
- Поджог дома молитвы евангельских христиан-баптистов // www.portal-credo.ru. 23.05.2003.
- Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания: Нормативные акты. Судебная практика. М., 2001.
- Словарь религий народов современной России. М., 2001.
- Трофимчук Н.А. Вступительное слово // Десять лет по пути свободы совести. М., 2002.
- Ушакова Ю.В. Религиозная ситуация; начало XX – канун XXI века // www.vle.ru.
- Цеханская К.В. Россия: тенденции религиозности в XX веке // Исторический вестник. 2000. № 5.
- Элбакян Е.С., Медведко С.В. Интеллигенция и молодежь в контексте российской цивилизации. М., 2000.
- Andreeva L. Religious Practices in Russia // Woldmark Encyclopedia of Religious Practices. Michigan, 2003.